

Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского приграничья

Инна Александровна КОРОЛЁВА

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ innakor@mail.ru

Аннотация. Проблемы изучения региональной топонимической лексики входят в настоящее время в число приоритетных направлений ономастических исследований. Особый интерес вызывает рассмотрение приграничных топонимических систем, так как в основах топонимов, бытующих в приграничных зонах, содержится объёмная лингвокультурологическая информация, отражающая взаимодействие языков и культур соседних этносов. Проанализирован фрагмент топонимической системы смоленско-витебского приграничья, территории, которая исторически отражает общность русского и белорусского народов, их языков и культур. Подробно описаны названия населённых пунктов (ойконимы), засвидетельствованные по обеим сторонам государственной границы. Рассмотрены их частотность, распределение по лексико-семантическим группам, этимология топооснов, наличие топонимов в лексикографических источниках. На материале комплексного анализа общих географических названий доказано, что общность фрагмента топонимических систем, русской (смоленской) и белорусской (витебской), порождённая историческим и географическим единством, свидетельствует также и о глубокой исторической общности двух народов – русского и белорусского, а также восточных славян в целом. Материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: топонимия, топонимическое пространство, смоленско-витебское приграничье, топоним (ойконим), сопоставительный аспект, общность, различие в топонимии приграничья

Для цитирования: Королёва И.А. Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского приграничья // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 425-433. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Regional toponymy: toponymic system commonality of the Smolensk-Vitebsk borderland

Inna A. KOROLEVA

Smolensk State University

4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russian Federation

✉ innakor@mail.ru

Abstract. The issues of studying regional toponymic vocabulary are currently among the priority areas of onomastic research. The particular interest is the consideration of borderland toponymic systems, since the base of toponyms that exist in border zones contain voluminous linguocultural information that reflects the interaction of languages and cultures of neighboring ethnic groups. We analyze a fragment of Smolensk-Vitebsk borderland toponymic system, a territory that historically reflects the commonality of Russian and Belarusian peoples, their languages and cultures. We describe in detail the names of settlements (oikonoms), marked on both sides of the state border. We consider their frequency, distribution by lexico-semantic groups, toponyms etymology, the presence of toponyms in lexicographic sources. Based on a comprehensive analysis of common geographical names, we prove that the commonality of toponymic systems fragment, Russian (Smolensk) and Belarusian (Vitebsk), generated by historical and geographical unity, also testifies to the deep historical commonality of two peoples – Russian and Belarusian, as well as Eastern Slavs in the whole. The material is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: toponymy, toponymic space, Smolensk-Vitebsk borderland, toponym (oikonom), comparative aspect, commonality, difference in toponymy borderland

For citation: Koroleva I.A. Regional'naya toponimiya: obshchnost' toponimicheskoy sistemy smolensko-vitebskogo prigranich'ya [Regional toponymy: toponymic system commonality of the Smolensk-Vitebsk borderland]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 425-433. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Мировидение народа, его менталитет, культура и история, несомненно, отражаются в особом фрагменте языковой картины мира, формирующимся под влиянием языкового пространства, частью которого являются названия географических объектов, или топонимы. Эти языковые единицы выступают универсальным лингвокультурным свернутым текстом и в большинстве случаев отсылают нас к значимым культурно-историческим явлениям [1].

Безусловно, можно утверждать, что топонимические единицы любой территории при всём их разнообразии являются теснейшим образом связанными между собой: географические названия на каждой географической

территории или исторически выделяемой территории образуют определённую систему [2].

Как отмечает Э.М. Мурзаев, под топонимической системой следует понимать «совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности» [3, с. 14]. Топонимические системы строго территориальны, и именно поэтому можно говорить о топонимической системе отдельной области, района или даже отдельной деревни. Совокупность географических названий какой-либо территории – сложное явление, анализ которого представляет определённые трудности и предполагает различные пути исследования в зависимости от специфики материала и поставленных задач [4]. Так, в частности, можно рассматривать эти-

мологию топооснов, структурные особенности названий, общность или различие топонимических моделей, анализировать диалектизмы, лежащие в основах топонимов, и т. д. Сегодня одно из актуальных направлений в топонимических разысканиях – изучение приграничной топонимии, то есть названий каких-либо приграничных объектов. Подчеркнём, что любая приграничная зона – это особое территориальное пространство, с яркой национально-культурной спецификой, находящей отражение во многих областях человеческой жизнедеятельности, в том числе и в сфере топонимической номинации. Изучение топонимической системы приграничья позволит углубить теоретические основы сопоставительной ономастики. В практическом плане анализ нового эмпирического материала даст возможность фрагментарно рассмотреть социокультурные связи двух сопредельных народов в прошлом и настоящем.

Смоленская область – один из центральных регионов России, исторически «порубежная земля». Сегодня Смоленщина граничит с Республикой Беларусь, и государственная граница составляет 463 км: это Витебская и Могилёвская области РБ.

Наиболее обследованной в топонимическом отношении является так называемая Витебская приграничная зона (около 200 км государственной границы); она охватывает три района в Смоленской области – Велижский, Руднянский и часть Краснинского и три района в Витебской области – Витебский, Дубровенский и Лиозненский [5, с. 5].

Топонимическая система смоленско-витебского приграничья сформировалась и развивалась под общим влиянием языковых и культурно-исторических особенностей двух соседних народов – русских и белорусов. Несомненный интерес к этой территории вызван существованием исторической специфики, ведь смоленские и витебские земли долгое время находились в составе одного – общего – государства. Необходимо упомянуть об исторических фактах, которые говорят о существовании частых передвижений территориальной границы между этими областями.

История единства ведётся ещё со времён Смоленско-Полоцкого княжества. Начиная с 1404 года, долгих 110 лет Смоленский край

вместе с белорусскими и украинскими землями (в том числе и витебскими) был в составе Великого княжества Литовского; затем более полувека входил в состав Речи Посполитой, что, безусловно, нашло отражение в топонимической системе приграничья. Примечательно, что сегодня на географических картах уже разных стран мы можем найти ойконимы, которые мотивированы словами *лях, пан, поляк* и т. д.: Ляхово (Велижский р-н), Панское (Краснинский р-н), Панки (Витебский р-н), Ляховка (Дубровенский р-н) и др. Далее русские и белорусы были объединены временем существования Российской империи. Последний период, когда Россия и Беларусь были едины, – это бывший Советский Союз. Таким образом, можно сказать, что языковые связи между Смоленском и Витебском сложились на основе исторической, географической (общие географические параметры) и культурной общности территорий в разные периоды развития [6, с. 41-42]. В настоящее время Смоленск и Витебск – города-побратимы.

Несомненно, все перечисленные факты и порождают схожесть топонимической системы приграничья. Хотя нельзя отрицать и существующие специфические расхождения в номинации географических объектов, так как топонимия приграничья отражает особенности двух народов – русского и белорусского. Так, например, в белорусской топонимии ниже процент названий с топоформантами -ов(о), -ев(о), -ин(о); выше процент названий с суффиксами -щин(а), -ович(и), -евич(и); гораздо меньше переименований в топонимической сфере и т. д. Тем не менее мы можем найти общие названия, потому что топонимы являются важнейшими единицами, свидетельствующими о культурно-исторической связи соседних народов. В частности, для обеих топонимических систем характерно использование схожих или даже одинаковых основ и словообразовательных средств в тополексемах.

Целью настоящего исследования является сопоставление топонимического материала смоленской и витебской территорий, выявление общих названий и их комплексный анализ.

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ И ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили названия населённых пунктов смоленско-витебского приграничья (ойконимы), представленные в «Справочнике по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области» (Смоленск: «Принт-Экспресс», 2010. 247 с.) и нормативном справочнике «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» (Мінск: Тэхналогія, 2009. 668 с.). В составленную картотеку вошли 592 топонима из трёх районов Беларуси. В качестве представителя приграничной зоны в России нами был выбран один район – Руднянский, самый главный и крупный район приграничной зоны. На рассматриваемой территории находятся 193 населённых пункта. Для сопоставления распространения анализируемых приграничных названий нами использовались также известные словари топонимов: «Топонимический словарь Центральной России» Г.П. Смолицкой [М.: Армада-пресс, 2002. 416 с.], «Тверской топонимический словарь» В.М. Воробьёва [М.: Русский путь, 2005. 472 с.] и «Названия населённых пунктов Центрального Черноземья» А.С. Щербак и А.А. Бурькина [Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 356 с.].

Прежде всего, значительный и разноплановый собранный материал потребовалось сгруппировать. Мы, опираясь на труды известных учёных-топонимистов, с учётом специфики приграничья составили классификацию топонимических единиц. Всего мы выделили 10 лексико-семантических групп:

- 1) топонимы, образованные от антропонимов;
- 2) названия, отражающие особенности ландшафта;
- 3) топонимы, образованные от названий животных и растений;
- 4) топонимы, отражающие административно-объектные особенности;
- 5) топонимы, образованные от названий занятий поселенцев и ремёсел;
- 6) топонимы, в которых отражается цветное восприятие мира;
- 7) названия, связанные со словами религиозного или культового значения;

8) топонимы, данные по названиям водных объектов;

9) топонимы, отражающие в семантике исторические реалии и события;

10) топонимы, отражающие названия земельных владений, их границ, меры и площади.

Следующим шагом работы явилось сравнение топонимических единиц Руднянского района с белорусскими. В ходе сопоставительного анализа нами было выявлено 13 случаев сходства топонимов в смоленско-витебской приграничной зоне в 21 населённом пункте (некоторые названия были идентичны для разных населённых пунктов даже в пределах одного района).

Наибольшее число повторов было отмечено в лексико-семантической группе топонимов, образованных от антропонимов. Это такие ойконимы, как **Казимирово**, **Макаровка**, **Шарки**, **Зуи**, **Мохначи** и **Храпаки**. Причём топоним **Зуи** встречается одновременно в трёх районах – в Руднянском, Витебском и Лиозненском. Если смотреть в процентном соотношении, то на данную группу в классификации приходится 5,46 % совпадений от общего числа антропонимических топонимов.

Следующей группой, в которой мы нашли совпадения в названиях, является группа топонимов, отражающих особенности ландшафта. В ней два названия из 18 – **Пониозье** и **Заречье** – встречаются как в Руднянском районе, так и в двух районах Беларуси – Витебском и Дубровенском. Совпадение составляет 0,36 % от общего числа топонимов данной лексико-семантической группы. Это, конечно же, немного, но все названия встречаются и в других регионах.

В группе топонимов, образованных от названий животных и растений, нами было выявлено два случая совпадения названий из 30. Названия **Волково** и **Козлы** являются общими для населённых пунктов в трёх районах. Совпадение составляет 0,6 % от общего числа. Процент также невелик, что позволяет говорить о специфике культурной составляющей в топоосновах. В русской топонимии активнее представлен фаунистический код в основах названий: Белки, Журавли, Гусаки, Селезни, Петухи и др.

Топоним **Слобода** является частотным как для Руднянского района, в котором он встречается три раза, так и для районов Беларуси, в которых дублируется пять раз: четыре топонима в Витебском районе и один топоним в Дубровенском районе. Далее мы отметим его общность и с другими русскими территориями.

Топоним **Каменка** в классификации руднянских топонимов входит в группу топонимов, образованных от названий занятий поселенцев и ремёсел. Этот топоним зафиксирован в Руднянском и Витебском районах. Кстати, он тоже весьма частотен и в других русских регионах.

Топоним **Бель** не отнесён нами ни в одну из групп классификации (о причинах скажем ниже). Помимо Руднянского района, он зафиксирован в Дубровенском районе.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ОБСУЖДЕНИЕ

Обратимся к анализу собранного материала.

Топоним **Бель**. Довольно часто, как отмечают авторы «Топонимического словаря Смоленской области», на Смоленщине и в Беларуси встречаются деревни с названием Бель; в Вяземском районе есть деревня Бели¹. Несомненно, этот топоним образован от диалектного слова *бель*, которое бытует и в смоленских говорах, и в белорусских. Однако, как нам представляется, значения диалектизмов разные. Так, на Смоленщине апеллятив зафиксирован ещё до революции 1917 г. В.Н. Добровольским с значением «отбеленная льняная пряжа» [7, с. 708]. Известно это существительное и в настоящее время². Появился и оттенок значения – не только пряжа, но и белые фабричные нитки.

В Беларуси, как отмечает В.А. Жучкевич, *бель* – «верховое болото с белыми мхами, криволесье»³. Это же значение для объ-

яснения топонима принимают смоленские исследователи Д.Н. Будаев и Б.А. Махотин, связывая по семантике название деревни и название географического объекта на местности. Как известно, и на Смоленщине, и на Витебщине много озёр и болот. Однако, на наш взгляд, сема «белый» позволяет сделать предположение и о возможном значении топонима, связанном с изготовлением льняной пряжи и её отбеливанием: как известно, для её производства нужно много воды, а льноводством издавна славилось приграничье. Это версия поддерживается Словарем В.И. Даля⁴. Также лексема *бель* «отбеленная льняная пряжа» засвидетельствована в «Словаре могилёвско-смоленских пограничных говоров» [8, с. 128]. Территория распространения названия достаточно узкая: об этом свидетельствует, например, факт отсутствия его в лексикографических трудах, используемых нами для сопоставления.

Топоним **Зуй** встречается в трёх приграничных районах: Руднянском, Витебском и Лиозненском, то есть достаточно частотен. И белорусские, и российские топонимисты относят название к числу антропонимических. В частности, В.А. Жучкевич считает его патронимическим: в основе имя Зуй или фамилия Зуйков⁵. Д.И. Будаев и Б.А. Махотин также исходными определяют антропонимы – прозвище Зуй и фамилию Зуев⁶.

Мы не отрицаем связь топонима с антропонимами, но следует подчеркнуть, что в основе может лежать только прозвище или прозвищное имя Зуй. От фамилии Зуев образуется топоним Зуево, а от фамилии Зуйков – Зуйково (по модели), что и фиксирует Словарь А.С. Щербак и А.А. Бурыкина⁷.

Прозвище Зуй, в свою очередь, диалектного происхождения. Апеллятив *зуй* у В.И. Даля – это общее название небольших куликов разных видов; птицы юркие, с криком низко и быстро летают над водой. Фик-

¹ [Топонимический словарь Смоленской области] – Будаев Д.И., Махотин Б.А. Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск: ООО «Смоленское обл. кн. изд-во «Смядынь», 2009. С. 21.

² [Словарь смоленских говоров] – Словарь смоленских говоров. Смоленск: СГПИ-СГПУ, 1974. Вып. 1. С. 159-160.

³ [Жучкевич] – Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: БГУ, 1974. С. 24.

⁴ [Даль] – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 1: А–З. С. 155.

⁵ [Жучкевич] – С. 142.

⁶ [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 108.

⁷ [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – Названия населённых пунктов Центрального Черноземья: словарь. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 109.

сируются глагол *зуйть* – «суетиться, метаться» и прилагательное *зуйливый* – «вертлявый, елозивый, непоседливый»⁸ как областные слова без конкретных помет. В переносном значении *зуй* – суетливый подвижный человек. Вполне вероятно, что топоним действительно отантропонимического происхождения: прозвище Зуй доставалось непоседе и егозе. Но возможна и версия фаунистического происхождения: в приграничье много болот, озёр, рек, а кулики (зуи) – это птицы, которые водятся именно в таких местах в большом количестве.

Интересен топоним **Каменка**. Это название многих рек, а от них уже населённых пунктов. Апеллятив *камень* древнерусского происхождения (камы + -ень-) с значением «твёрдая горная порода из сплошной массы или отдельных её кусков и обломков». На дне русел небольших рек могут лежать многочисленные камни в виде булыжников и крупной гальки, что и послужило причиной номинации водного объекта⁹. В «Топонимическом словаре Смоленской области» зафиксировано девять речных Каменок в пределах региона. Схожее объяснение белорусских топонимов даёт В.А. Жучкевич¹⁰.

В информативное поле топонима следует включить также дополнительную лингвокультурологическую информацию, объясняющую название. В частности, в приграничье распространённым промыслом была заготовка камня. Ремесленники собирали камни с полей обычно осенью, крупные – дробили, получая нередко с одного валуна до кубометра материала, вывоз которого в город производили зимой. Жители сёл Каменка (Руднянский, Витебский районы) из этих камней-валунов сооружали надгробные плиты и другие виды памятников. Отметим попутно, что название не относится к числу узко локальных: в южных регионах оно встречается довольно часто – так, Словарь А.С. Щербак и А.А. Бурыкина отмечает его около 30 раз¹¹. На повсеместное распространение названия обращает внимание Г.П. Смо-

лицкая¹². Известен ойконим Каменка и в Тверской области: название дано по гидрониму¹³.

Один из самых частотных топонимов приграничья – **Слобода**. Топонимические словари Смоленской области и Беларуси указывают, что *слобода* – это тип поселения в феодальной России в XI–XVIII веках, пользующийся временными освобождениями от уплаты налогов и других повинностей¹⁴. На территории Беларуси учтено около 150 топонимов со словом *слобода* и производными от него. В Смоленской области название встречается в 15 районах, иногда в составе топонима появляется конкретизатор-определение: Старая Слобода, Никольская Слобода, Власова Слобода и др. В рассматриваемых районах Беларуси выявлено пять населённых пунктов с этим названием, в Руднянском районе – три населённых пункта. Можно сделать вывод, что данный тип поселения был обычным для смоленско-витебского приграничья в прошлом. Широко известно название по другим регионам России: это общий для восточных славян способ номинации¹⁵.

В обоих топонимических словарях – белорусском и смоленском – одинаково охарактеризован топоним **Понизовье**: «название-характеристика: поселение в низкой местности»¹⁶; «название-характеристика: поселение на пониженных местах»¹⁷. У Даля *низовой* – «низкий», *низовина* – «низкость»¹⁸. При образовании топонима действует словообразовательная модель: по- + -низов- + -j(e). Способ словообразования – приставочно-суффиксальный.

Также одинаково смоляне и белорусы квалифицируют название **Заречье**: это на-

¹² [Смолицкая] – Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 140.

¹³ [Тверской топонимический словарь] – Воробьёв В.М. Тверской топонимический словарь: Названия населённых мест. М.: Русский путь, 2005. С. 166.

¹⁴ [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 241; [Жучкевич] – С. 350.

¹⁵ [Смолицкая] – С. 314; [Тверской топонимический словарь] – С. 359; [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 280-281.

¹⁶ [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 207.

¹⁷ [Жучкевич] – С. 303.

¹⁸ [Даль] – Т. 4: Р–Я. 1956. С. 544-545.

⁸ [Даль] – Т. 2: И–О. 1956. С. 696.

⁹ [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 115.

¹⁰ [Жучкевич] – С. 153.

¹¹ [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 120-121.

звание-ориентир (только в Смоленской области оно встречается в восьми районах) – «поселение, расположенное за рекой»¹⁹. Также действует приставочно-суффиксальный способ: за- + - рек(ч)- + -j(е). Приставка за-, показывающая положение одного объекта по отношению к другому, более важному в момент называния, довольно регулярна в топонимии²⁰.

Макаровка. Типичная модель топонима [9, с. 15], образованного от антропонима: с помощью частотного суффикса -к(а) от притяжательного прилагательного Макаров, ставшего патронимом (чей? – Макаров), образовалось название деревни. В основе патронима (позднее – фамилии) крестильное имя Макар «блаженный, счастливый» (греческое, церковное – Макарий)²¹.

Казимирово. Также типичная модель топонима, образованного от антропонима: в основе патроним Казимиров (чей? – Казимиров), ставший фамилией. Исходным является славянское имя Казимир, более распространённое у западных славян, образованное от основы *каз* со значением «предсказывать, проповедовать» + *мир*²².

Топоним **Козлы** достаточно частотен: на Смоленщине он встречается в четырёх районах²³. Известен он и в белорусском приграничье, и в целом в Беларуси. В.А. Жучкевич считает его патронимическим (от фамилий Козёл, Козлович, Козлов)²⁴. Это в целом верно, но скорее всего в основе только прозвищное имя Козёл (мн. ч. Козлы), относящееся к прозвищным обозначениям метафорического характера фаунистической группы. Как нам известно, *коза* – «домашненный вид козлов» [10, с. 282]. Мы можем предположить, что данный вид животного был полезен для человека, поэтому он его приручил и разводил, и это нашло отражение в номинации географических объектов обеих областей. Естественно, не было обидной

коннотации. Модель – белорусская [11, с. 85]. В других русских регионах фиксации единичны (Белгородская и Орловская области)²⁵, одно название в Тверской области²⁶.

Топоним **Волково** Д.И. Будаев и Б.А. Махотин фиксируют в 10 районах Смоленской области; название образовано от фамилий и прозвищ Волк, Волков, Волкович. Не стоит также исключать возможность образования топонима от самой основы *волк* – хищное животное, очень распространённое на Смоленщине²⁷. В.А. Жучкевич даёт такое же толкование – «название, производное от кличек и фамилий Волк, Волкович, Волков»²⁸. Прозвищная номинация также метафорического характера (фаунистическая группа). Отметим, что антропоним Волкович, скорее всего, в ряду излишен – это другая онимическая модель. Ойконим Волково как типичный для восточных славян встречается по русским территориям достаточно часто²⁹.

Храпаки представляют собой ту же модель образования географического названия от прозвищного имени Храпак в форме множественного числа (Храпаки), что и **Козлы**. Храпак – «о человеке, который храпит» (апеллятив храп + суффикс существительных -ак, имеющий оценочное характеристическое значение (ср.: слабак, дурак)). Прозвище относится к группе именованных, указывающих на особенности человека. На других территориях России ойконим не засвидетельствован.

По уже описанной модели образован и топоним **Мохначи**. Прозвищное именование Мохнач в своей основе имеет прилагательное *мохнатый* и суффикс оценки -ач (ср.: трепач, бородач). У Даля *мохнач* – «мохнатый человек или животное» – дано как областное слово³⁰. На отантропонимическое происхождение указывает и В.А. Жучкевич, приводя как исходные антропонимы

¹⁹ [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 103; [Жучкевич] – С. 134.

²⁰ [Смолицкая] – С. 113.

²¹ [Словарь русских личных имён] – *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. М.: Эксмо, 2006. С. 228.

²² [Словарь русских личных имён] – С. 202.

²³ [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 122.

²⁴ [Жучкевич] – С. 166.

²⁵ [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 130.

²⁶ [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 180.

²⁷ [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 50.

²⁸ [Жучкевич] – С. 55.

²⁹ [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 60-61.

³⁰ [Даль] – Т. 2: И–О. 1956. С. 352.

фамилии Махнач, Махнович «со смысловым значением мохнатый» (имеет место аканье)³¹. Возможно также и образование географического названия от слова *мох* «вид растения», «моховое болото»³². Для наименования моховых болот, болотистых мест, поросших мхом, привлекаются определённые местные географические названия: моховина, мховина, моховище и др.

Шарки. В.А. Жучкевич объясняет название как патронимическое, образованное от фамилий, производных от белорусской формы слова серый – *шэры, шарко*³³. Скорее всего это возможно (хотя не от фамилий конкретно, а от прозвищных именовании типа Шарко). Менее вероятно образование топонима от диалектного северного *шарки* – «туфли, башмаки особого фасона»³⁴. Название засвидетельствовано лишь однажды в Тверской области: автор словаря предполагает, однако, именно эту, северную этимологию топонима³⁵.

³¹ [Жучкевич] – С. 226.

³² [Даль] – Там же.

³³ [Жучкевич] – С. 407.

³⁴ [Даль] – Т. 4: Р–Я. 1956. С. 622.

³⁵ [Тверской топонимический словарь] – С. 432.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведённый анализ топонимов смоленско-витебской приграничной зоны даёт возможность выявить общие лингвистические и историко-культурные черты, которые содержатся в основах названий. Было доказано, что топонимы Руднянского района имеют много общего с именами собственными, номинирующими географические объекты соседней территории, что обусловлено общей судьбой в определённые периоды сосуществования Смоленщины и Витебщины. Есть узколокальные образования, а есть названия, довольно часто встречающиеся и на других русских территориях, что свидетельствует об исторической общности всех восточных славян. Исследование следует продолжить, чтобы рассмотреть в сопоставительном плане всё смоленско-белорусское приграничье, всю его топонимическую систему, что даст возможность достаточно серьёзно углубить анализ общих и отличительных черт в приграничной ономастике.

Список литературы

1. Королёва И.А. Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 31-38.
2. Мезенко А.М. Белорусская ономастика. Топонимика. Минск: Элайда, 2012. 260 с.
3. Мурзаев Э.М. Топонимика и география // Вести МГУ. 1963. № 3. С. 14-23.
4. Евсеева О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 22 с.
5. Королёва И.А. Диалог языков и культур: Смоленск – Витебск // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы Междунар. науч. конф. Смоленск: СмолГУ, 2020. С. 5-8.
6. Картавенко В.С. Русско-белорусские языковые контакты и их историческое обоснование // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы науч.-практ. конф. Смоленск: СмолГУ, 2017. С. 39-43.
7. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1914. 1022 с.
8. Словарь моголевско-смоленских пограничных говоров / авт-сост. В.Б. Сузанович; отв. ред. Л.И. Шаповалова. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2017. Вып. 1: А–Б. 196 с.
9. Генкин В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2009. 115 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
11. Генкин В.М. Современные адъективные ойконимы Витебщины и Смоленщины // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: материалы Междунар. метод. семинара. Вып. 1. Смоленск: СмолГУ, 2011. С. 85-89.

References

1. Koroleva I.A. Toponimy kak svernutyi lingvokul'turnyy kod [Toponyms as a collapsed linguocultural code]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – IKBFU's Vestnik*, 2015, no. 8, pp. 31-38. (In Russian).
2. Mezenko A.M. *Belorusskaya onomastika. Toponimika* [Belarusian Onomastics. Toponymy]. Minsk, Elaida Publ., 2012, 260 p. (In Russian).
3. Murzayev E.M. Toponimika i geografiya [Toponymy and geography]. *Vesti MGU – Vesti MSU*, 1963, no. 3, pp. 14-23. (In Russian).
4. Evseyeva O.S. *Toponimiya smolensko-vitebskogo prigranich'ya: strukturno-semanticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Toponymy of the Smolensk-Vitebsk Borderland: Structural and Semantic Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Smolensk, 2015, 22 p. (In Russian).
5. Koroleva I.A. Dialog yazykov i kul'tur: Smolensk – Vitebsk [Dialogue of languages and cultures: Smolensk – Vitebsk]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Onomastics in Smolensk and Vitebsk: Problems and Research Prospects”]. Smolensk, SmolGU Publ., 2020, pp. 5-8. (In Russian).
6. Kartavenko V.S. Russko-belorusskiye yazykovyye kontakty i ikh istoricheskoye obosnovaniye [Russian-Belarusian language contacts and their historical justification]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya»* [Proceedings of the Research and Practice Conference “Onomastics in Smolensk and Vitebsk: Problems and Research Prospects”]. Smolensk, SmolGU Publ., 2017, pp. 39-43. (In Russian).
7. Dobrovolskiy V.N. *Smolenskiy oblastnoy slovar'* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk, P.A. Silina Typography, 1914, 1022 p. (In Russian).
8. Suzanovich V.B. (compiler), L.I. Shapovalova (executive ed.). *Slovar' mogilevsko-smolenskikh pogranychnykh govorov* [Dictionary of the Mogilev-Smolensk Border Patois]. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2017, issue 1, 196 p. (In Russian).
9. Genkin V.M. *Oykonimiya i katoikonimiya Belorusskogo Poozer'ya* [Oikonymy and Katoikonymy of the Belarusian Lake District]. Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masherov Publ., 2009, 115 p. (In Russian).
10. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Language Dictionary]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 921 p. (In Russian).
11. Genkin V.M. Sovremennyye ad'yektivnyye oykonimy Vitebshchiny i Smolenshchiny [Modern adjective oikonyms of Vitebsk and Smolensk regions]. *Materialy Mezhdunarodnogo metodicheskogo seminara «Vitebshchina i Smolenshchina v yazykovykh i kul'turnykh kontaktakh: istoriya i sovremennoye sostoyaniye». Вып. 1* [Proceedings of the International Methodological Seminar “Vitebsk and Smolensk in Linguistic and Cultural Contacts: History and Modern State”. Issue 1]. Smolensk, SmolGU Publ., 2011, pp. 85-89. (In Russian).

Информация об авторе

Королёва Инна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

Вклад в статью: общая концепция статьи; сбор и анализ данных; написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 20.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки
16.04.2021
Принята к публикации 17.05.2021

Information about the author

Inna A. Koroleva, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

Contribution: main study conception, data acquisition and analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 20.02.2021
Approved after reviewing and revision
16.04.2021
Accepted for publication 17.05.2021